

Утешение

Внезапное появление Се И в квартале Бамбуковых Ветвей стало для Чуньси, Сячао и остальных полной неожиданностью. Они уже собирались пойти доложить, но Се И остановил их.

— Не нужно, я сам поднимусь к нему. Он спит?

— Нет, — ответил Сячао. — Вернулся из-за города сам не свой. Умылся и попросил вина, сидит один на чердаке, пьёт...

Се И строго взглянул на него.

— Ваш наследник ещё молод, к тому же только что вернулся с пира. Он просит вина, а вы даёте? Не боитесь, что он навредит себе?

— Мы не посмели дать ему крепкого вина, — поспешил объяснить Дунхай. — Принесли лишь сливовое вино на простокваше, кисло-сладкое. От него только лёгкое опьянение, даже дети могут выпить несколько чаш, не захмелев.

Только тогда Се И слегка кивнул и направился наверх. Уфу и Люшунь остановили слуг.

— Пойдёмте, братья, перекусим. Я как раз принёс свежую выпечку.

Когда Се И вошёл, Сюй Чунь уже спал, свернувшись на тахте на чердаке. Видимо, он лежал на большой подушке, смотрел в окно из цветного стекла на пейзаж внизу и пил в одиночестве. В комнате горела лишь одна лампа у стены. Яркий лунный свет, словно расплавленное серебро, заливал маленький чердак, делая его светлым, как днём. На низкой тахте рядом стоял столик с кувшином вина, фруктами и виноградом.

Се И увидел, что волосы Сюй Чуня растрёпаны, на нём лишь просторный серебристый атласный халат, ноги босы, одна голень небрежно лежит на мягком одеяле. Большая часть одеяла сползла на пол. Он обнимал большую подушку, глядя вниз. Ресницы его были влажными, а подушка под ним — мокрой от слёз. В руке он всё ещё сжимал пустой стеклянный бокал, который вот-вот должен был упасть. К счастью, на полу лежал толстый ковёр.

— И надо же было так расстроиться... — прошептал Се И.

Не укрылся, а ведь ночи ещё холодные. И вот так, босой, в тонкой одежде... Слуги вроде бы расторопные, а за своим господином не следят.

Он поставил принесённый футляр с книгами в сторону, жестом велел сопровождающим удалиться, взял одеяло и укрыл Сюй Чуня, стараясь не разбудить его. Краем глаза он заметил, что под подушкой лежит подаренный им меч Драконьей Чешуи. Неужели не мешает спать?

Чердак, в отличие от просторной спальни внизу, был очень маленьким. Вдвоём здесь было уже тесно. Но убрано было безупречно, и в воздухе витал лёгкий аромат. На стене висела картина: птица, расправив крылья, готовится взлететь, рядом — несколько травинок. Сбоку небрежно было написано: «Одинокий журавль в полёте». Видно, что рисовал сам Сюй Чунь.

У кровати, в свете лампы, стояло удобное бамбуковое кресло-качалка, покрытое мягкой и толстой лисьей шкурой. Сев в него, Се И заметил на низком шкафчике рядом шкатулку с восемью отделениями. Она была открыта, и внутри лежали искусно вырезанные из дерева фигурки поросёнка, котёнка, щенка — все очень милые, отполированные до блеска. На вид обычные, но, взяв в руки, можно было почувствовать густой аромат агарового дерева. Рядом валялись несколько крупных необработанных драгоценных камней, но даже в таком виде было видно их высокое качество. Вперемешку с ними лежали красивые ракушки, резные шары из перламутра. Очевидно, это были просто детские игрушки.

Се И взял несколько камней, повертел в руках и бросил обратно. В нижнем ящике шкафчика он увидел несколько книг. Вытащил — как и ожидалось, романы и альбомы для рисования. Он взял один альбом, открыл и увидел, что на каждой странице нарисован он сам. Рисунки были простыми, где-то только профиль, где-то он стоял под бамбуком во дворе, где-то спал с закрытыми глазами, а где-то — с повязкой на глазах, в полурасстёгнутой одежде... Рисунки были даже раскрашены. Кожа выглядела нежной, а на левом плече, видневшемся сбоку, была поставлена маленькая красная родинка.

— ... — Се И чуть было не расстегнул одежду, чтобы проверить, есть ли у него там родинка.

Пролистав альбом, он сунул его себе в рукав, взял роман и стал читать, наливая себе в высокий хрустальный бокал немного вина. Оно и впрямь было кисло-сладким и очень приятным на вкус. Он откинулся в кресле и почувствовал, как шея, плечи, спина и локти удобно устроились. Всё тело словно погрузилось в облако, стало легко и уютно.

Се И никогда в жизни не позволял себе такой расслабленности. Пролистав несколько страниц, он взглянул на Сюй Чуня. Тот дышал ровно, даже слегка похрапывал. На маленьком чердаке царил тишина, лунный свет лился, как вода. Се И прикрыл глаза, и в голове у него всплыли строки поэта династии Сун: «Пьян, укрывшись одеялом, сплю, и что в этом плохого».

С тех пор как он себя помнил, он был императором. С тех пор как он себя помнил, ему твердили: «Правитель должен быть усерден в делах, и тогда все народы будут покорны». Вся Поднебесная была его ответственностью, всеми придворными чиновниками он должен был управлять. Его учили быть усердным с утра до ночи, трудиться не покладая рук. И только здесь, у этого юного повесы, он почувствовал покой и расслабление.

Сюй Чунь, проспав неведомо сколько, перевернулся на другой бок и, открыв глаза, увидел Се

И, который сидел у его кровати и, склонив голову, читал книгу. Решив, что это сон, он долго смотрел на него, думая: «Что на уме, то и во сне. Девятый братец так прекрасен».

Он смотрел на Се И, не отрываясь, и тот почувствовал его взгляд.

— Проснулся? — спросил он, видя, что юноша смотрит на него затуманенным взглядом.

Это не сон? — Сюй Чунь вскочил, но от резкого движения у него закружилась голова. Се И поддержал его и усадил обратно на тахту, укрыв одеялом до пояса.

— Не вставай. Я слышал от Фан Цзысина о сегодняшнем пире. Подумал, ты, наверное, расстроен, вот и пришёл тебя проведать.

Если бы Се И промолчал, всё было бы хорошо. Но его слова задели Сюй Чуня за живое. Внезапная встреча с Девятым братцем наполнила его сердце радостью и тревогой, он хотел спросить о его здоровье, но вместо этого ему напомнили о дневном унижении. Стыд и досада захлестнули его. Такой позор — и Девятый братец об этом узнал! Впрочем, это было неудивительно. Шэнь Мэнчжэнь — друг Фан Цзысина, конечно, он всё ему рассказал. Глаза Сюй Чуня защипало, и непрошенные слёзы снова хлынули из глаз.

Он злился на эти непослушные слёзы. Что это такое? Настоящие мужчины, говорят, стерпят, даже если им в лицо плюнут. Но Девятый братец... Девятый братец — не все.

Се И не стал смеяться над ним. Он достал из рукава платок и вытер его слёзы.

— Не плачь. Ли Мэйя — человек неуместный. Не стоит обращать на него внимания.

Сюй Чунь вытер слёзы и, всхлипывая, с трудом успокоился.

— Девятый братец, не смейся надо мной. Я сам навлёк на себя этот позор. Учёные мужи нас и так презирают. Молодой князь отнёсся ко мне благосклонно из-за подарков, а я уже вообразил, что он ко мне расположен, и сам полез под удар.

— Мы с двоюродным братом так долго готовились к этому пиру, боялись обидеть знатных гостей, а в итоге... из-за меня и брат был унижен. Не знаю, что он теперь обо мне думает. Только недавно хвалил, что я повзрослел и могу помогать семье. Теперь он, наверное, разочарован во мне. Я, его двоюродный брат, такой повеса, не смог принести чести семье Шэн. А ведь дедушка и брат, что бы хорошего у них ни появилось, тут же присылают мне. А я их так подвёл.

— Что в этом такого? — сказал Се И. — Твой брат столько лет в торговле, неужели он обратит на это внимание? К тому же, это была уловка. Сначала тебя и семью Шэн унизили, чтобы вы почувствовали себя недостойными, а потом будут вами помыкать. Вот увидишь, через

несколько дней этот молодой князь непременно пригласит тебя к себе, чтобы загладить вину. После такого удара вы, конечно, решите, что в столице трудно, а при дворе — сплошные интриги. Он будет терпеливо вас наставлять, и вы, разумеется, сочтёте его благодетелем.

— Вот оно что! — удивился Сюй Чунь. — Но молодой князь тогда выглядел таким смущённым, не похоже, что он ожидал такого... Перед уходом он всё время извинялся.

— Характер Ли Мэйя известен всему двору, — безразлично ответил Се И. — Се Фэй не просто так притащил его на твой пир. Чья бы это ни была затея, намерения у них были дурные. Неужели они не знали, что ты принимаешь члена императорской семьи и, будучи человеком щедрым, не считающим денег, постараться принять гостя как можно лучше? Ли Мэйя из бедной семьи, в детстве натерпелся нужды, его мать снова вышла замуж. Он ненавидит богатство и всегда был прям и неподкупен. Для него ни князя, ни вельможи — не авторитет. Увидев, как вы тратите деньги, он не мог промолчать.

— Но ведь это приём знатного гостя, — с обидой сказал Сюй Чунь. — Естественно, угощение должно быть обильным. Все знают, что семья Шэн — императорские купцы. Если бы мы приняли члена императорской семьи скромно, нас бы обвинили в неуважении. К тому же, в столице пиры устраивают не менее пышно, я не пытался хвастаться.

— Семья Шэн торгует заморскими товарами. Те деликатесы, что в столице считаются роскошью, для нас — обычное дело. Всё было приготовлено из наших продуктов. А что до картин... при дневном свете всегда есть тени, цвета искажаются. Раз уж мы собрались любоваться живописью, я и подумал, что если отразить свет свечей серебряными зеркалами, будет лучше видно...

— Не оправдывайся... — Се И прикоснулся пальцем к его губам.

Сюй Чунь почувствовал это прикосновение, и уши его тут же вспыхнули. Он забыл, что хотел сказать. Вся его обида, все оправдания, которые он так хотел высказать Ли Мэйя, испарились. Он смотрел только на Се И. В лунном свете он видел, что Девятый братец одет в подаренную им накидку, его черты всё так же холодны и горды, но взгляд — тёплый и заботливый.

— Ты ещё молод, — медленно объяснил Се И, убирая палец, — и, столкнувшись с проблемой, спешишь оправдываться. Но ты не знаешь, что в такой ситуации любые оправдания лишь ухудшат твоё положение. Сегодняшняя реакция Шэнь Мэнчжэня — вот пример опытного придворного интригана. Он не стал спорить по существу, а сразу же нанёс удар по репутации оппонента, обвинив его в лицемерии, тщеславии и жестокосердии.

Он улыбнулся.

— Это только начало. Если ты унаследуешь титул, тебя ждёт то же самое. Цензоры доносят по слухам. Когда на чиновника подают жалобу, его первая реакция — не оправдываться, а просить об отставке. Знаешь, почему?

— Мой отец ещё молод, — смущённо ответил Сюй Чунь. — К тому же, при дворе его считают ни на что не годным, никаких должностей не дают. А почему так, Девятый братец?

— Чиновники знают, что оправдания лишь ухудшат их положение. Просьба об отставке — это проверка. Если двор её не принимает, значит, начальство и государь ему доверяют. Тогда все остальные чиновники понимают позицию императора, и появляется шанс всё исправить. В этот момент другая партия начинает искать компромат на жалобщика. И если его удаётся в чём-то уличить, то все его обвинения объявляются клеветой.

— ...Вот что значит не оправдываться.

— Спорить с ним, подавать прошение с оправданиями — всё это нужно делать после победы, как дополнение. А до этого — бесполезно, только запутаешься в бесконечных спорах и подозрениях.

— Но если тебя действительно несправедливо обвинили, — тихо спросил Сюй Чунь, — разве можно стерпеть и не оправдываться?

— Оправдываться после обвинения — это естественно, даже императоры не могут этого избежать. Был один император, которого обвиняли в незаконном захвате трона. Он не выдержал и издал указ, в котором оправдывался перед двором, народом и потомками. Так что если не можешь сдержаться, не вини себя в слабости.

Сюй Чунь широко раскрытыми глазами смотрел на Се И.

— Насколько я знаю, — с улыбкой продолжил тот, — был один министр, который кормил свиней женским молоком, а потом подавал их императору. Другой чиновник так любил маринованных воробьёв, что его склады были ими забиты. У матери одного чиновника была прихоть — она ела только утиные язычки, и каждый день для неё забивали сотни уток. Премьер-министр предыдущей династии передвигался в паланкине, который несли тридцать два человека...

— Да что далеко ходить, возьмём недавнее. Умерший от падения с лошади князь-регент... в его дворце полы были вымощены медными монетами. Он любил охоту, держал бесчисленное множество гончих и скакунов. На их корм в день уходило десять миллионов монет, а псарей и конюхов у него было больше сотни.

На лице Се И появилась лёгкая ироничная улыбка.

— Если бы князь-регент был жив, Ли Мэйя, который был ему обязан, вряд ли стал бы упрекать его в расточительстве в присутствии гостей. Так что знай: когда другие смеют тебе перечить, это потому, что ты слаб, у тебя нет ни власти, ни положения, и ты ничего не можешь им сделать.

— Конечно, не говоря уже о намерениях того, кто привёл Ли Мэйя. Но сам Ли Мэйя — великий канцлер, бывший цензор. Он и императору может делать замечания, и тот ничего ему не сделает. Когда он был цензором, доставалось всем при дворе, даже вдовствующей императрице. И что, кто-то изменился? Так что если он тебя критикует... ты ведь не на службе, тратишь свои деньги. Что он может тебе сделать? Если есть за что — исправься, если нет — забудь. Не принимай близко к сердцу.

— Для голодающего в разорённой деревне и три приёма пищи в день, и одежда по сезону — уже роскошь. Для бедного учёного и простолюдина — роскошь шёлковые халаты, золотые украшения и изысканная еда. Для чиновника — роскошь винные пруды и мясные леса, строительство дворцов, содержание наложниц и безудержный разврат. Что роскошь, а что нет — у тебя в сердце должна быть своя мера. Главное — ценить вещи и жалеть народ. Если же ты ленив и расточителен, то это уже чрезмерно.

— Я понял, — с раскаянием сказал Сюй Чунь. — Спасибо, Девятый братец, за утешение и наставление. Я всё понял. Когда ты жил у меня, ты, наверное, тоже считал мою жизнь слишком роскошной.

— Я видел лишь твою искреннюю заботу обо мне, — покачал головой Се И.

Сюй Чунь не очень-то поверил.

— Ты просто утешаешь меня, Девятый братец. Я знаю, ты сам очень скромн и неприхотлив, не гонишься за удовольствиями.

— У каждого есть свои слабости, — тихо усмехнулся Се И. — В детстве я однажды заболел, лежал в жару, ничего не хотелось есть. Одна из моих нянюшек потратила немного денег и велела на кухне приготовить для меня суп из рыбы ши и тофу. Я попробовал — было так вкусно, что я съел всё и попросил ещё на ужин.

Сюй Чунь представил себе маленького Се И — наверное, он был прелестен, как яшмовый ангел.

— Я заметил, ты любишь рыбный суп.

— Но до ужина не дошло, — покачал головой Се И. — Моя мать привела ту нянюшку в мои покои, заставила её встать на колени и обвинила в том, что она приучает меня к роскоши. А потом сказала мне... как скромн был мой отец. Что эта рыба ши очень трудно добывается, умирает, как только её вытаскают из воды, и чтобы доставить её с юга в столицу, нужно много людей. Готовить её тоже сложно из-за множества костей. Столько труда — ради одной чашки супа для меня. И если это войдёт в привычку, то каждый год придётся тратить столько же. Это великий грех. А потом на моих глазах приказала забить ту нянюшку палками до смерти.

Сюй Чунь в ужасе посмотрел на Се И.

— Я тогда, как и ты сейчас, — улыбнулся тот, — чувствовал себя виноватым. Жалел, что из-за своей прихоти погубил нянюшку, и ненавидел себя за то, что не ценю труд народа, не сдержан. Целый месяц после этого я не ел мяса.

— Девятый братец, это не твоя вина! — вскочил Сюй Чунь.

— Да, — слабо улыбнулся Се И, — позже я узнал, что та рыба была приготовлена для моей матери. У неё всегда была своя кухня, ей приносили меню, и она выбирала, что хочет. Повара готовили для неё всё, что угодно. Не только рыбу ши, любые деликатесы, какие только можно было придумать. Даже несезонные фрукты и овощи. Кроме ледников, у неё были оранжереи с подогревом, где для неё выращивали свежие плоды. На это уходили десятки миллионов в год.

Сюй Чунь широко раскрыл глаза.

— Она так поступала со мной, — усмехнулся Се И, — чтобы контролировать меня. Конечно, под благовидным предлогом. И до сих пор, когда я ем что-то дорогое или ношу что-то изысканное, я чувствую вину, словно это жир и кровь народа, и я не имею права этим наслаждаться.

— Девятый братец! — Сюй Чунь невольно схватил его за руку.

Он с детства жил в роскоши, и его никогда не упрекали в этом. Он смутно догадывался, что Девятый братец — человек знатный и влиятельный, но не представлял, что его воспитывали в такой строгости. Ему стало так жаль его, что он пожалел, что не встретил его раньше.

— Теперь тебе лучше? — улыбнулся Се И, глядя на Сюй Чуня. — Когда хотят кого-то обвинить, всегда можно найти благовидный предлог. Это называется «была бы вина, а повод найдётся». Важно лишь понять цель оппонента: действительно ли он желает тебе добра или преследует свои цели. В мире нет идеальных людей, не стоит терзать себя из-за чужих упреков.

Видя, что Сюй Чунь успокоился, он сказал:

— Я принёс тебе кое-что интересное. Зажги свет поярче, не порть глаза.

Сюй Чунь поспешно поднял заслонку на масляной лампе. Стало светлее. Только тогда Се И заметил, что светильники были и на столе, и на стенах. Сюй Чунь, стоя на коленях на тахте, зажигал настенные светильники. Его босые ноги снова оказались на виду. Кожа на голених была тонкой и прозрачной, виднелись сосуды — всё дышало юной силой. Волосы были в беспорядке, халат измят. Кончик носа покраснел, веки всё ещё были припухшими, ресницы — влажными. Глаза, промытые слезами, в свете ламп казались яркими и прозрачными.

Се И мысленно вздохнул и, развернув свиток, расстелил его на столе.

Сюй Чунь, обернувшись, увидел картину, написанную в сине-зелёных тонах, с дворцом и

парящими над ним журавлями.

— Это «Благовещие журавли»? — ахнул он.

— Да, — улыбнулся Се И.

Сюй Чунь, поражённый и обрадованный, склонился над картиной.

— Это... похоже на подлинник Хуэйцзуна! Разве он не хранится во дворце?

— Двор время от времени устраивает благотворительные аукционы, — сказал Се И, — продавая вещи из казны императорским купцам. Оплата производится не наличными, а в виде зерна, которое купцы закупают на местах и сдают в общественные амбары на случай голода. Это заведено. Эту картину продали в прошлом году. Её владелец — мой хороший знакомый. Я знал, что ты любишь картины с птицами, и давно попросил её у него, собирался тебе подарить, но всё было некогда. А сегодня, услышав от Фан Цзысина о случившемся, решил привезти.

Сюй Чунь был глубоко тронут. Он понимал, что купить вещь с дворцового аукциона может не каждый. Чтобы получить эту картину, Девятый братец, должно быть, оказал большую услугу. И, скорее всего, он не просил её заранее, а, узнав о сегодняшнем унижении, специально поехал за ней, чтобы привезти ему ночью.

— Такой подлинник... и дворец решился продать... — тихо проговорил он.

— Картина падшего императора, — небрежно бросил Се И, — дурное предзнаменование. Лучше продать и накормить голодных. Ночью всё равно толком не рассмотришь, убери пока, а завтра при свете полюбишься. У меня есть для тебя ещё кое-что.

Он достал из-под стола ящичек с книгами.

— Вот, почитай на досуге. Если что-то будет непонятно, спрашивай. Это запрещённые книги, никому не показывай.

Сюй Чунь, ошеломлённый, открыл ящичек. Внутри лежало несколько потрёпанных, но аккуратных книг: «Книга для сокрытия», «Критика истории», «Книга для сожжения», «Собрание изначального омута». На полях было множество пометок, сделанных изящным, твёрдым почерком.

— Запрещённые? — спросил Сюй Чунь, не отрывая взгляда от этих строк.

— Да, — улыбнулся Се И. — Это сочинения господина Ли Чжоу. Я в юности случайно прочёл их и нашёл очень полезными. Потратил немало усилий, чтобы собрать его книги. Я изучал их

несколько лет. В этой последней — мои заметки, можешь тоже посмотреть.

Сюй Чунь, понимая, какую ценность держал в руках, нежно провёл пальцем по строчкам. Так вот какой почерк у Девятого братца, какой красивый, — подумал он и, смутившись, отступил.

— Но, Девятый братец, я ведь неуч. Такие ценные книги... оставь их себе. У меня они пропадут даром...

— Если ты их прочтёшь, не пропадут. Этот господин Чжоу тоже из Минь, как и твоя мать, из семьи морских торговцев. Его настоящая фамилия — Линь. Его предки навлекли на себя гнев цензора, были обвинены в измене, и семья разорилась. Ему пришлось сменить фамилию на Ли, чтобы избежать преследований. Позже он сдал экзамены, стал чиновником. Был очень талантлив, обладал уникальным умом, но был бунтарём, гордецом и нонконформистом. В итоге его по ложному обвинению бросили в тюрьму, где он покончил с собой. Он говорил о себе: «У меня двадцать долей ума, двадцать долей таланта и двадцать долей смелости».

— Почему его книги запретили?

— Потому что он говорил: «Каждый может стать святым», «Простолюдин не низок, князь не высок». Это было сочтено ересью, нарушением устоев, великим грехом. Поэтому ортодоксальная конфуцианская мысль не могла его принять.

Сюй Чунь широко раскрыл глаза, не то удивлённый, не то потрясённый. Се И, видя его всё ещё припухшие веки, не стал его больше пугать.

— Тебе понравится, — улыбнулся он. — Некоторые идеи господина Чжоу, например, о том, что не следует подавлять торговлю в угоду земледелию. Он говорил: «Тот, кто не говорит о приумножении богатства, никогда не сможет управлять Поднебесной».

— Девятый братец, — осторожно спросил Сюй Чунь, — ты читаешь эти книги, потому что тоже против ортодоксальной власти?

Станный вопрос. Он никогда не интересовался ни его врагами, ни тем, где он живёт, ни чем занимается. И вдруг — такой прямой вопрос о мятеже.

Се И долго смотрел на него. Взгляд юноши был искренним, словно если бы он действительно замыслил переворот, тот был готов ему помочь. Ему хотелось спросить, готов ли он без оглядки встать на его сторону, но он не решился его пугать. За ним ведь стояла семья, огромный род Шэн. Зачем обременять его страхом?

— Я читаю его книги, — мягко улыбнулся он, — но это не значит, что я во всём с ним согласен. Верить книгам слепо — всё равно что не читать их вовсе. Но одна его мысль очень верна: «Благородный муж ценен сам по себе, он стремится к самодостаточности». У каждого свой

путь. Будь то учение мудрецов или ересь — всё, что может служить мне, становится моим путём. И у мудрецов бывают ошибки. Ты должен больше читать. Когда прочтёшь много, перестанешь верить книгам слепо.

Сюй Чунь, ошеломлённый, убрал книги. Он смотрел на Се И и, хоть и не всё понял, осознавал, с какой заботой тот к нему относится. Сердце его наполнилось теплом. Хотя Девятый братец и не любит меня, но он не презирает меня, не унижает. Он просто хочет, чтобы я учился.

Се И, видя его застывший взгляд, нашёл это забавным. Он потрепал его по голове, пригладив растрёпанные волосы.

— Ну вот, скоро рассвет. У меня дома дела, я пойду. А ты читай.

Сюй Чунь, взяв книги, смотрел, как Се И встаёт, чтобы уйти. Он вскочил с тахты.

— Я провожу тебя, Девятый братец. Когда ты ещё придёшь? Если я чего-то не пойму, как мне спросить?

Се И, обернувшись, увидел его босые ноги и нахмурился.

— Сначала надень обувь, не простудись. Я буду очень занят. Как только освобожусь, приду. А ты пока читай. Если будут вопросы, напиши письмо и отнеси в переулок Дэнцао. Уфу и Люшунь там, они передадут.

Сюй Чунь не хотел его отпускать. Он наспех надел туфли и проводил Се И до задней двери. Там его уже ждал Фан Цзысин с несколькими стражниками. Он издали поклонился Сюй Чуню.

Сюй Чунь с тоской смотрел, как Се И, всё ещё в той самой накидке, вскочил на коня и под цокот копыт скрылся в лунном свете.

<http://bllate.org/book/16990/1586632>